

О

Владимире Федерасе никак нельзя сказать, что однажды утром он проснулся знаменитым. Ибо всем, кто соприкасается с миром культуры, он давно известен и будучи художественным руководителем Государственного ансамбля имени Григория Пономаренко, и директором Волгоградского театра оперы и балета «Царицынская опера». Своей известности и популярности талантливый музыкант добивался многолетним служением искусству после окончания Волгоградского института культуры и искусств, а затем и консерватории. А вот заметить, что однажды и весьма неожиданно Владимир Леонович стал именитым, вполне резонно. Дело в том, что перед смертью отец открыл ему семейную тайну, которая многие годы тщательно скрывалась от сына. Оказывается, Владимир Федерас является наследником известного в России родового имени, прямым потомком Анны Керн, прославленной Александром Сергеевичем Пушкиным.

15 ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ

Причудливо тасует карты жизнь. Однако в кажущейся на первый взгляд ее хаотичности и непредсказуемости, как мне думается, заложена своя особая, непонятная простому смертному

программа. Иначе не объяснить многие поистине удивительные вещи, которые случаются в нашей жизни. Нет, не зря говорят в народе, что случай — это псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться своим именем. История создания семейного союза между бывшим фронтовиком, литовцем по национальности Леоном Федерасом и заключенной лагеря в Бурят-Монгольской АССР Розой Керн лишнее тому подтверждение. Убежден, без вмешательства свыше они никак не смогли бы встретиться друг с другом, полюбить, вырастить сына Володю. Впрочем, судите сами.

С началом Великой Отечественной войны в семью поволжских немцев Каспара и Екатерины Керн, живших в селе Стрипали, неподалеку от нынешнего Камышина и воспитывавших четырех детей, постигла большая беда. В дом пришли неизвестные люди в военной форме и объявили решение властей: за связь с немецкими шпионами все Керны подлежат выселению из родных мест в течение 24 часов и приговариваются к 15 годам исправительно-трудовых работ в лагере для врагов народа в Бурят-Монгольской АССР, где им будет дана возможность искупить свою вину перед советской властью самоотверженным и честным трудом.

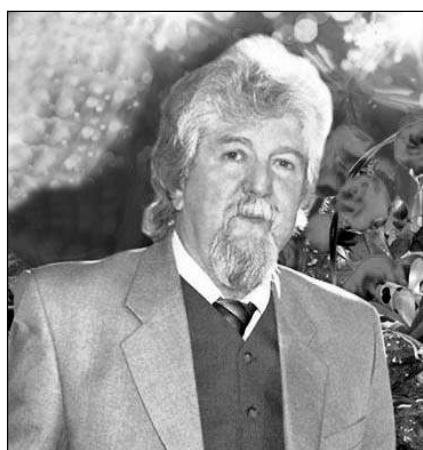
Так для Розы Керн, будущей матери Володи Федераса, начался тяжелый ка-

торжнный труд в далеких суровых краях на вольфрамовом заводе. Сегодня это, наверное, трудно представить, но 60 с лишним лет тому назад хрупкой девушке каждую смену приходилось стоять за конвейером по пояс в воде (так того требовала технология добычи вольфрама и серебра) и до мышечной боли в руках и спине стараться обязательно выполнить дневную норму. Многие не выдерживали тяжелейших условий труда и умирали. Керны держались и даже подавали другим заключенным пример стойкости и умения оставаться людьми в невыносимо трудных условиях неволи.

Между тем, на другом конце великой страны шла война невиданной ранее жесточечности и жестокости, в которой самоотверженно сражался с фашистами литовский парень Леон Федерас. За смелый характер и любовь к острому словцу его любили солдаты и уважали командиры. А поскольку со своим пулеметом Федерас неоднократно спасал товарищей по оружию от неминуемой гибели, за два года войны его гимнастерку уже успели украсить несколько медалей и три ордена. Бой на Курской дуге для него оказался последним, ибо тяжело раненный, в полубессознательном состоянии Леон был доставлен в медсанбат, а затем на лечение и реабилитацию в глубокий тыл. Конкретно — в госпиталь небольшого города Городок Бурят-Монгольской АССР, рядом с расположенным там лагерем заключенных, работающих на вольфрамовом заводе. Это обстоятельство стало впоследствии решающим для солдата сразу по двум обстоятельствам.

КРАСАВИЦА И В ЛАГЕРНОЙ РОБЕ ВИДНА

Во-первых, в лагере в то время сидел известнейший врач-хирург Иван Мамин, который в свое время лечил «литературную знаменитость трудового народа» писателя Алексея Горького. Врачи местного госпиталя, имевшие доверительные отношения с лагерным на-

Владимир Федерас

чалством, не раз приглашали своего высококвалифицированного коллегу для консультаций по наиболее сложным случаям. Пригласили его и для осмотра приготовленной к ампутации верхней конечности прославленного фронтового пулеметчика-орденоносца.

— Ситуация далеко безнадежная, — вынес свой вердикт Мамин. — Если пациент готов мне помогать изо всех своих сил, года за полтора берусь «сделать» ему «новую» руку.

Признаться, сказанному врачи госпиталя не поверили. Потому что как люди, воспитанные в строгом атеистическом духе, они не верили во всякие чудеса. Однако чудо или что-то близкое к этому произошло. И первым оценил это Леон Федерас. Да, его левая рука стала на восемь сантиметров короче правой, но зато могла весьма эффективно трудиться! Как тут не вспомнить Господа Бога и помянуть добрым словом великий талант хирурга-зэка!

Вторым судьбоносным обстоятельством для бывшего фронтовика в тех краях было знакомство с Розой Керн. Не желая попусту терять время на реабилитацию после ранения, фронтовик устроился работать директором огромного парка вольфрамового завода. А поскольку у Леона был допуск и на производственную территорию, однажды он увидел Розу Керн и влюбился в нее с перво-

го взгляда. Чувства выздоравливающего бойца можно понять. Ведь у поразившей воображение Леона девушки были тот же нос, губы, глаза, овал лица и даже форма подбородка, как у ее знаменитой прапрабабушки Анны Керн, красоту которой в свое время очень образно и емко «нарисовал» двадцатилетний Александр Пушкин такими словами: «Позволительно ли быть такой прелестною? Она просто ослепительна!..»

В общем, у молодых людей завязалось знакомство, которое со временем перешло в сильное чувство. Ибо Роза была не только хороша собой, но и умна, воспитана, одарена той внутренней культурой, которая передается потомкам интеллигентного рода на генном уровне. И никакое убогое лагерное одеяние не могло скрыть в ней девушку «белой кости».

Трудно сказать, во что бы вылилась любовь заключенной и вольного человека, если бы к тому времени не закончилась война. Жизнь постепенно входила в привычное русло, и «врагам народа», хорошо проявившим себя на трудовом фронте в нелегкое для страны время, власть дала некоторые послабления. В частности, заводскую ударницу труда Розу Керн из-за колючей проволоки перевели на поселение, и она стала чем-то вроде няни у детей директора завода. А когда молодые люди поженились, инвалид войны и отважный фронтовик, награжденный советской властью тремя орденами, вообще добился освобождения своей жены.

Однако полную реабилитацию Керны получили лишь в 1956 году. Вернувшись на родину, в село Стрипали, вместо своего дома они увидели только ровное место. Разрушила ли власть домашний очаг «врагов народа» или спалили дом лихие люди, это было уже не так важно. Главное, что все бывшие ээки вернулись на свою малую родину целыми и невредимыми, а стало быть, жизнь надо было начинать сначала. Точнее сказать, с нуля. И, не обивая пороги властей в бесполезных просьбах о помощи, Керны и Федерасы стали заново строить

крышу над головой двумя отдельными семейными «кустами»: в небольшом поволжском городке Петров Вал и в расположенном с ним рядом селе Дворянское.

ФАМИЛЬНЫЙ СЕКРЕТ ХРАНИЛИ ДЕСЯТКИ ЛЕТ

И вот здесь необходимо сделать одно небольшое отступление, которое поможет читателю понять нынешний духовный мир Владимира Федераса, прямого потомка известного в России рода. Думается, что ему сильно повезло с родителями. Потому что они были великими оптимистами по жизни. Будучи еще подростком, Володя всегда удивлялся их великому терпению. Отец и мать никогда не жаловались на удары судьбы, как бы им ни было трудно. Жизнь очень коротка, поэтому не стоит искать виновного в собственных невзгодах. Такую уж судьбу даровал человеку Господь Бог, — не раз философски рассуждали они вслух и делали вывод:

— Надо просто жить достойно, оставляя на земле свой след, и делать людям добро. И тогда оно к тебе обязательно вернется сторицей!

И хотя никогда в семье Федерасов не было материального достатка, их сын всегда воспитывался в атмосфере добра, любви к ближнему и к искусству. Замечу, что родовая тяга к богатству духовному особенно проявляла себя, когда две семьи съезжались по выходным дням в Дворянское на своеобразные музыкальные праздники. Здесь было что послушать и на что посмотреть не только самим участникам торжества, но и их соседям. Бабушка Катя, к примеру, очень выразительно читала наизусть многие стихи Пушкина, в том числе и на немецком. Ее дочь Роза прекрасно пела и аккомпанировала себе на мандолине. А старший брат Розы — Иван превосходно играл на скрипке, а младший брат Адам — на аккордеоне. Стоит ли после этого удивляться тому обстоятельству, что Володя и его двоюродные братья и сестры, слушавшие концерты

взрослых с замиранием сердца, со временем сами стали настоящими музыкантами. Впрочем, никакой случайности в этом нет, по мнению моего собеседника. Просто любовь к искусству у молодых Кернов и Федерасов была, что называется, в крови, а взрослые своими «концертами» лишь исподволь, неназойливо указали им на это.

— Почему родители столь долго скрывали мое прямое родство с Анной Керн? — переспрашивает меня хозяин трехкомнатной квартиры по улице Хользунова. — Да потому что советская власть, загнав моих родственников в лагерь, отбило у них всякое желание даже упоминать об Анне Петровне, а тем более носить ее немецкую фамилию. И их можно понять. Пережив страх потерять жизнь только из-за своих родственных корней, они постарались по своему оградить от этой опасности меня. Мама умерла в 1997 году, так и не выдав семейную тайну. А папу я похоронил в ноябре 2003 года. За месяц до своей смерти, убедившись, наверное, в том, что фамильный секрет ничем больше сыну навредить не может, он открылся мне.

— Ваше родство с Керн можно как-то документально доказать?

— Наверное. Составив генеалогическое древо дочери полтавского помещика Анны Петровны Полторацкой, которая в 17 лет вышла замуж за 52-летнего генерала Керн и родила ему трех краси-

вых дочерей. Однако московские специалисты, к которым я в свое время обращался по этому поводу, затребовали «на разработку древа» 20 тысяч долларов. Мне таких денег за всю жизнь не заработать. Это — во-первых. А, во-вторых, я не вижу смысла идти на столь громадные материальные траты. Имиджа и популярности у вашего покорного слуги и так хватает. Меня многие знают как музыканта и руководителя двух солидных творческих коллективов. Поэтому мне вполне достаточно просто своей причастности к роду той, кому Александр Сергеевич Пушкин посвятил свое великолепное стихотворение «Я помню чудное мгновение...»

— А эта, как вы говорите, причастность к роду Анны Керн как-то изменила вашу жизнь?

— Безусловно. Я написал вокальный цикл на стихи пяти известнейших российских поэтов о российских матерях, посвятив это памяти своей мамы Розы Каспаровны и ее далекой прапрабабушки Анны Керн. Обычно мы исполняем это вместе с женой и детьми, также как и я, занимающихся музыкой. Что же касается более отдаленных планов, то скажу так. В связи со вновь открывшимися обстоятельствами начал подумывать о создании интереснейшего вокального цикла на стихи Александра Сергеевича Пушкина. Кто знает, может быть, что-то дельное и получится из этой затеи.

